

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ТЮРОК МОНГОЛИИ**(2-я половина I тыс. н.э.)***

Представлены результаты систематизации и анализа погребальных сооружений тюрок раннего Средневековья, исследованных на территории Монголии. Использовались все известные материалы раскопок, проведенных монгольскими и зарубежными археологами, начиная со второй четверти XX столетия и вплоть до настоящего времени. Рассмотрены и охарактеризованы особенности наземных и внутримогильных конструкций, зафиксированных в ходе изучения некрополей 2-й половины I тыс. Отдельно представлены проблемы интерпретации впускных захоронений, а также погребений в подбое. Продемонстрированы сложности интерпретации немногочисленных скальных объектов, по ряду показателей соотносимых с культурой тюрок раннего Средневековья. Основным подходом, реализованным в статье, стал сравнительный анализ результатов раскопок погребальных комплексов на территории Монголии с более многочисленными материалами исследований в Алтае-Саянском регионе. Выявленный характер погребальных сооружений, а также не представляемые в настоящей публикации особенности ритуала и сопроводительного инвентаря дают основания рассматривать захоронения тюрок Монголии и Алтае-Саянского региона в рамках одной общности и связывать с «восточными» тюрками, известными по письменным источникам. Немногочисленность памятников Монголии, учитывая количество объектов, исследованных в Горном Алтае, Туве и Минусинской котловине, можно объяснить лишь отсутствием проведения целенаправленных раскопок погребений рассматриваемой общности и низкой степенью изученности обозначенной территории в целом.

Ключевые слова: Монголия, тюрки, раннее Средневековье, погребальные сооружения, Алтае-Саянский регион, сравнительный анализ.

DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-07

Введение

Долгое время Монголия оставалась своего рода «белым пятном» на археологической карте Центрально-Азиатского региона. В последние десятилетия ситуация начинает улучшаться, что связано с активными исследованиями, проводимыми как местными монгольскими специалистами, так и экспедициями, организованными зарубежными учеными. В числе объектов различных исторических периодов раскопаны комплексы культуры тюрок – общности кочевников, оказавшей огромное влияние на историческое развитие кочевых империй региона, а также судьбы многих народов на обширных сопредельных территориях. Представляется возможным утверждать, что в настоящее время исследование памятников Монголии 2-й половины I тыс. н.э. выходит на новый уровень. В связи с этим важной задачей становится осмысление итогов работ прошлых лет, в том числе детальный анализ отдельных элементов культуры тюрок региона.

К настоящему времени в Монголии известно около 30 объектов, с разной степенью достоверности относящихся к погребальным комплексам тюрок раннего Средневековья [Серегин, 2014]. Несмотря на незначительность этой цифры по сравнению с количеством захоронений кочевников, исследованных на сопредельных террито-

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также в рамках базовой части государственного задания Алтайского государственного университета «Использование естественнонаучных методов в реконструкции историко-культурных процессов на Алтае в древности» (код проекта 1006).

риях, накопленные материалы являются важным источником для реконструкции истории и культуры кочевников. В настоящей статье представлены результаты систематизации и анализа погребальных сооружений тюрков Монголии 2-й половины I тыс. н.э.

Наиболее продуктивным подходом при исследовании погребальных памятников Монголии является их сравнение с гораздо более многочисленными раннесредневековыми объектами Алтае-Саянского региона [Серегин, 2013, с. 186–204], а также комплексами, раскопанными на сопредельных территориях. Это не только позволяет осуществить более точную хронологическую и культурную атрибуцию анализируемых материалов, но также способствует определению их места среди тюркских «древностей» Центрально-Азиатского региона.

Особенности распространения и планиграфии погребальных комплексов

Большая часть некрополей тюрков раннего Средневековья раскопана в центральных и северных районах Монголии (Архангайском, Баянхонгорском, Булганском, Селенгинском, Уверхангайском, Центральном аймаках). Кроме того, известна небольшая серия объектов в западной части страны (Баян-Улэгийский, Убсунурский и Ховдский аймаки), а также одно захоронение на северо-востоке (Хэнтэйский аймак) (рис. 1). Такая локализация тюркских погребальных комплексов лишь отчасти объясняется объективными причинами и спецификой расселения кочевников. В большей степени территориальные рамки распространения известных памятников обусловлены степенью интенсивности полевых исследований в разных частях страны. Потому в ходе будущих археологических работ в Монголии зафиксированная ситуация может измениться.

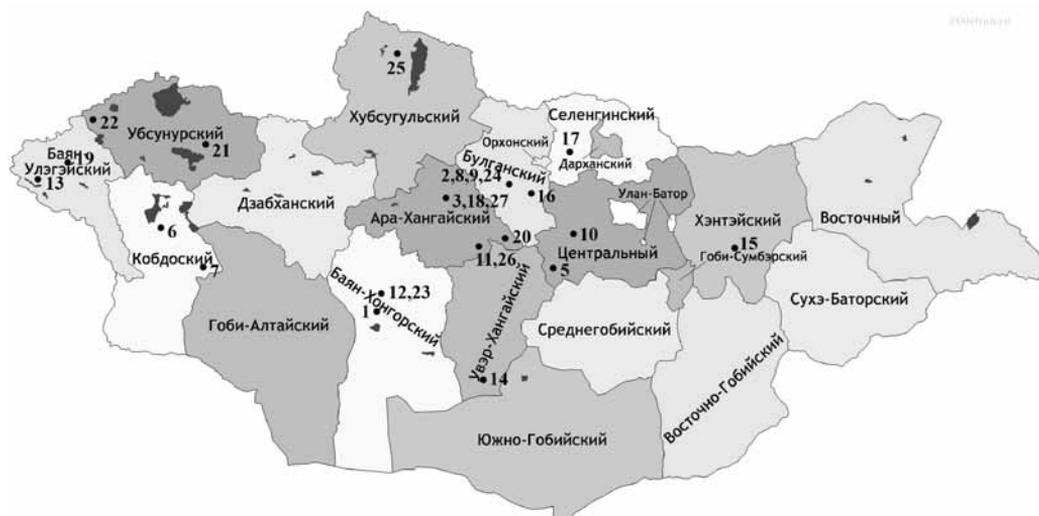


Рис. 1. Карта-схема распространения тюркских погребений на территории Монголии: 1 – Арцат Дэл; 2 – Бурхан-Толгой; 3 – Гол Мод; 4 – Джаргаланты; 5 – Дэнслэгийн ам; 6 – Жаргалант Хайрхан; 7 – Загал; 8 – Моностын-хотол; 9 – Мухдагийн ам; 10 – Наинтэ-Суме; 11 – Овор Хавцал; 12 – Рашаантын Ам; 13 – Сыргаль-2; 14 – Тарималт; 15 – Тогосийн овдгийн; 16 – Увгунт; 17 – Угемур; 18 – Хана-1; 19 – Хар-Ямаатын-гол; 20 – Хутаг-Уул; 21 – Цаган-Хайрхан-Уул; 22 – Шанаган Хэвийн-2; 23 – Шивээт Цанхир-1; 24 – Элст Хутул; 25 – Аргаан-гол; 26 – Ваарт; 27 – Наймаа-Толгой

Погребения тюрков Монголии в большинстве случаев расположены на площади некрополей более раннего времени или в непосредственной близости от них. Чаще всего курганы 2-й половины I тыс. н.э. находились рядом с объектами хуннского периода либо с херексурами, относящимися к эпохе поздней бронзы и «раннескифскому» времени [Боровка, 1926, с. 172; Евтюхова, 1957, с. 207; Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967; Худяков, Цэвендорж, 1999, рис. 1; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004, с. 176; Олзийбаяр, 2007; Эрдэнэболд, Одбаатар, Анхбаяр, 2010] (рис. 2). Ситуация, зафиксированная на памятнике Хар-Ямаатын-Гол, где насыпи раннего Средневековья обнаружены к востоку от цепочки курганов пазырыкской культуры, полностью повторяет ситуацию, распространенную для раннесредневековых объектов Алтая [Кубарев и др., 2007, с. 302]. Отметим, что традиция сооружения погребений на площади уже существовавших некрополей или в непосредственной близости от них в целом характерна для обрядовой практики тюрков и зафиксирована в ходе раскопок на обширных территориях Алтае-Саянского региона и Центральной Азии [Кубарев, 1992, с. 28; Кубарев, 2005, с. 12–13; Митько, Тетерин, 1998, с. 397–398; Худяков, 2004, с. 42].

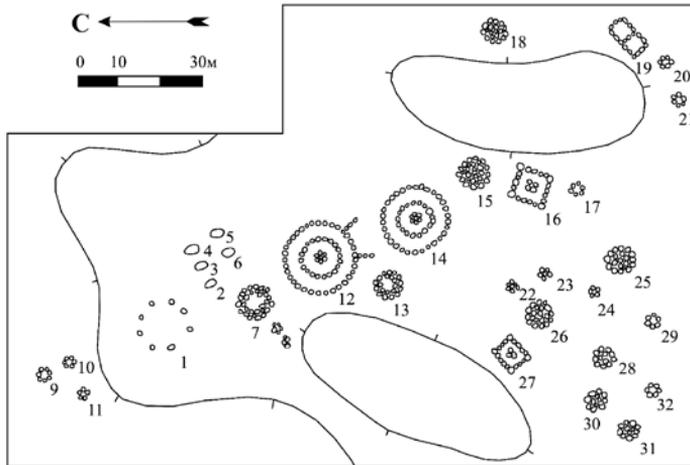


Рис. 2. План некрополя Цаган-Хайрхан-Уул с расположением тюркского кургана №7 (по: [Худяков, Цэвендорж, 1999, рис. 1])

Второй вариант планиграфии погребальных комплексов тюрков Монголии – расположение курганов одиночно или попарно в отдалении от памятников предшествующих периодов [Худяков, Турбат, 1999; Гунчинсурэн и др., 2005]. Такая ситуация встречается более редко, однако также получила распространение во 2-й половине I тыс. н.э. на сопредельных территориях. Кроме того, в отдалении от каких-либо объектов находились известные скальные погребения Монголии раннего Средневековья [Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004, т. 20–23, з. 1, 2; Турбат и др., 2008; Хурэлсух, 2008, т. 297, з. 2, 3, 10; Турбат, Батсух, Батбаяр, 2010].

Обозначенные закономерности расположения и локализации курганов тюрков Монголии показывают, что традиции погребальной обрядности кочевников этого времени не предполагали сооружения больших отдельных некрополей. Чаще всего объекты 2-й половины I тыс. н.э. были исследованы в ходе раскопок памятников более раннего времени. Дисперсное расположение курганов тюрков периода раннего Средневековья определенным образом осложняет массовые раскопки таких комплексов

и, возможно, является одной из причин небольшого количества известных курганов. Вместе с тем учет выявленных ситуаций дает дополнительные возможности для обнаружения захоронений в ходе дальнейших полевых исследований.

Наземные конструкции

Наземные сооружения тюрков Монголии 2-й половины I тыс. н.э. представлены в абсолютном большинстве случаев курганными насыпями. Конструкции возводились из камня и имели чаще всего округлую форму (рис. 3–4). Только в одном случае насыпь, исследованная на могильнике Моностын-хотол [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, т. 272], напоминала подквадратное сооружение. При этом обнаруженная конструкция не включала ограды-стенки, характерной для подквадратных насыпей, получивших распространение в раннем Средневековье на различных территориях Алтае-Саянского региона, Восточного Казахстана, Кыргызстана и Монголии и фрагментарно зафиксированных в традициях тюрков [Табалдиев, 1996, с. 25; Худяков, 2004, с. 48; Кубарев, 2005, с. 15]. Большой интерес для изучения особенностей распространения подобных сооружений имеют материалы недавних раскопок на территории Монголии [Эрдэнэбат и др., 2011]. Судя по приведенным фотографиям и иллюстрациям, исследованные подквадратные наземные конструкции могильника Олон Дов весьма схожи с теми, что зафиксированы на памятниках Алтае-Саянского региона. По мнению авторов раскопок, данные объекты могут являться частью кладбища уйгуров и датируются VIII–IX вв. [Эрдэнэбат и др., 2011, т. 167; з. 5, 9, 11, 15–16]. Вероятно, результаты дальнейших работ в различных районах Монголии будут способствовать уточнению представлений о хронологии и культурной принадлежности раннесредневековых погребальных комплексов с подквадратными наземными конструкциями.

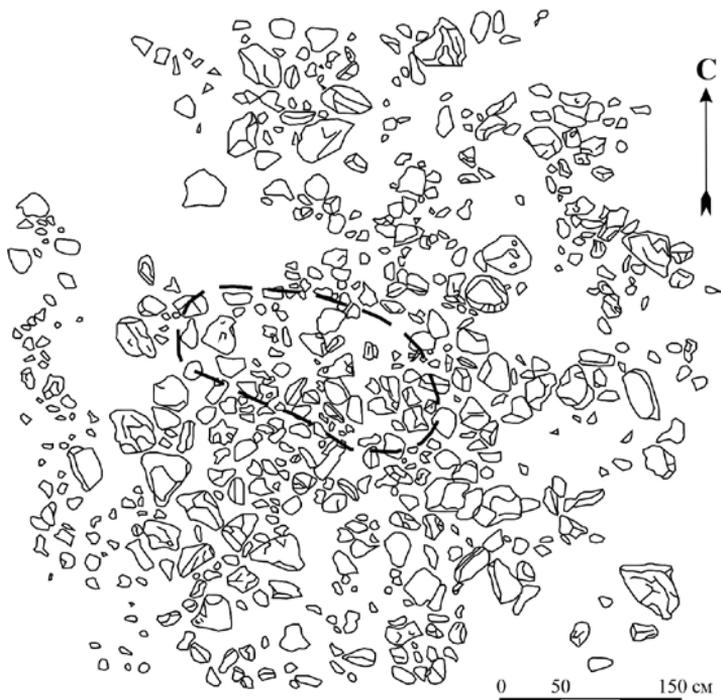


Рис. 3. Наземная конструкция тюркского кургана комплекса Овор Хавцал (по: [Эрдэнэболд, Одбаатар, Анхбаяр, 2010, з. 2])

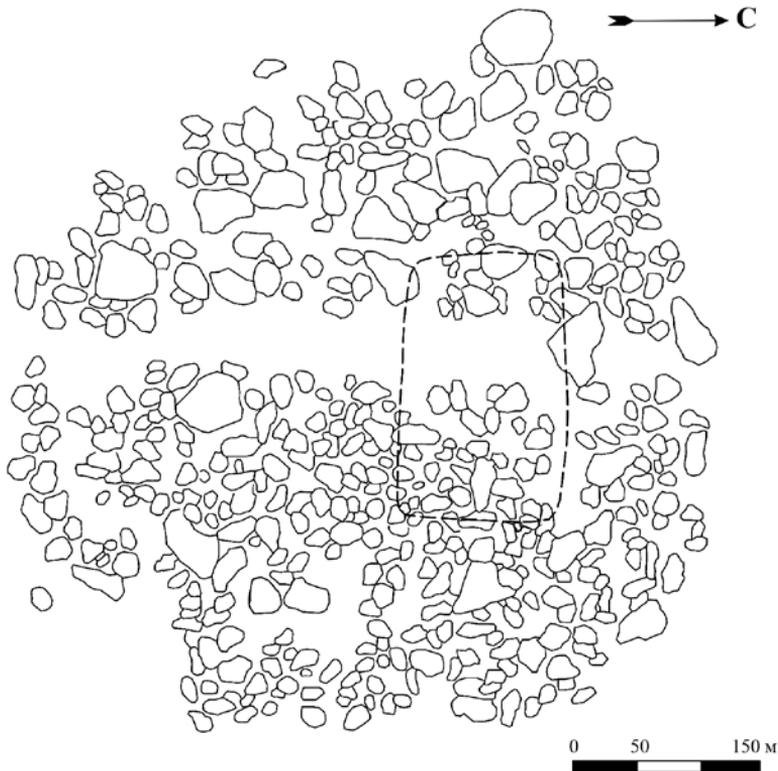


Рис. 4. Наземная конструкция кургана №5 комплекса Элст Хутул (по: [Худяков, Турбут, 1999, рис. 1])

Курганы тюрков Монголии 2-й половины I тыс. н.э. имели довольно небольшие размеры. Диаметр исследованных объектов составлял в среднем 6–8 м, варьируя от 3 до 11 м. Высота насыпей не превышала 0,45 м. В значительном количестве случаев в ходе раскопок курганов зафиксированы фрагменты керамики, а также кости домашних животных [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003; т. 108–109; Кубарев и др., 2007; Эрдэнэболд, Одбаатар, Анхбаяр, 2010; и др.]. Очевидно, эти находки представляют собой следы погребальной тризны, совершаемой во время похорон.

По своей структуре курганные насыпи тюрков Монголии в большинстве случаев представляли собой простые сооружения. Дополнительные конструкции в виде крепиды или ограды, получившие значительное распространение на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона (до 38%), зафиксированы только на комплексах Мухдагийн ам (курган №8) (рис. 5) и Хар-Ямаатын-гол (курганы №8, 10) (рис. 6). При этом сооружения не представляли собой традиционную крепиду, возводимую по периметру курганной насыпи. Более вероятно, что данные конструкции были приурочены к контуру могильной ямы и в одном из отмеченных случаев маркировали ее границы [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 274; Цэвендорж и др., 2008, з. 9, 10]. Схожие по устройству сооружения исследованы в ходе работ на отдельных некрополях тюрков раннего Средневековья на сопредельных территориях [Могильников, 1983, рис. 16; Бородовский, 1994, рис. 3; и др.].

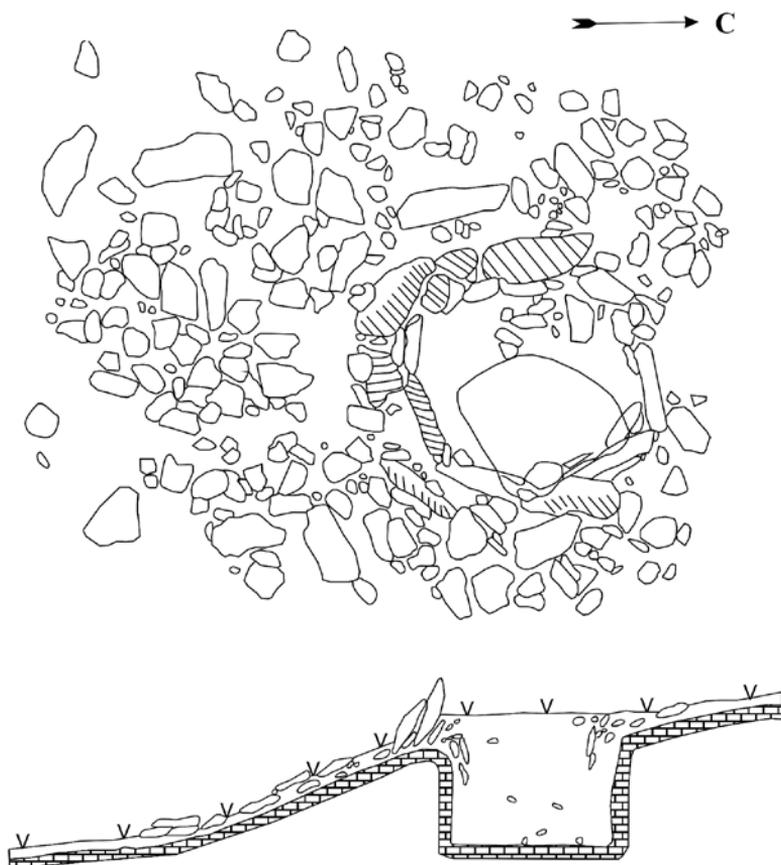


Рис. 5. Наземная конструкция кургана №8 комплекса Мухдагийн ам
(по: [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 274])

Редкой характеристикой погребальных памятников тюрков Монголии являлось возведение *«околокурганных» объектов*. Под данным обозначением понимаются конструкции, находившиеся в непосредственной близости от насыпи или вплотную «пристроенные» к ней и представлявшие один комплекс. На могильнике Хар-Ямаатын-гол к востоку от кургана №8 зафиксирована цепочка каменных колец, и еще одно небольшое кольцо было устроено вплотную к насыпи [Цэвдорж и др., 2008, з. 12] (рис. 6). Аналогии таким объектам встречены на ряде раннесредневековых некрополей Алтая и Тувы [Серегин, Шелепова, 2015, с. 81–85]. Обратим внимание на то, что возможность фиксации подобных «околокурганных» сооружений в значительной степени зависит от методики раскопок. Известно, что межкурганное пространство в силу целого ряда причин исследуется крайне редко, хотя именно в ходе такой работы возможно выявление ряда сооружений [Шульга, Горбунов, 2002, с. 117]. Не исключено, что данное обстоятельство является одним из объяснений редкости подобных объектов на территории Монголии. Что касается интерпретации обнаруженных каменных колец, то, судя по всему, следует согласиться с исследователями, которые предполагают их поминальный характер [Кубарев, 2005, с. 16].

Другим вариантом «околокурганного» объекта является каменная «пристройка», зафиксированная в ходе исследования погребального комплекса Увгунт. Сооружение находилось с южной стороны насыпи тюркского кургана [Наван, Сумьябаатар, 1987, з. 1; Кляшторный, Савинов, Шкода, 1990, с. 7] (рис. 7). Отметим, что такая ситуация также не является исключительной в обрядовой практике раннесредневековых кочевников. Небольшие каменные «пристройки» округлой или подквадратной формы, располагавшиеся вплотную к насыпи кургана, встречены в ходе исследований на памятниках Алтая и Тувы [Серегин, Шелепова, 2015, с. 85]. Какие-либо находки внутри таких сооружений, как и в случае с объектом комплекса Увгунт, отсутствовали.

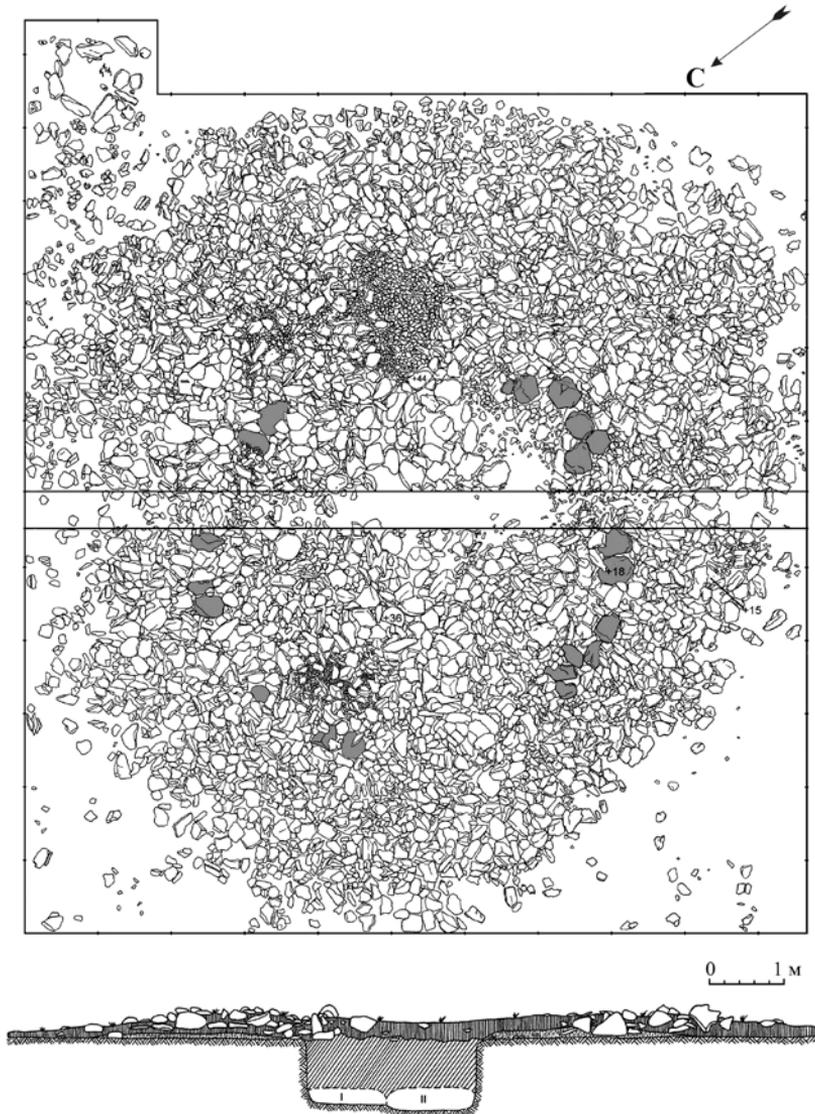


Рис. 6. Наземная конструкция кургана №8 комплекса Хар-Ямаатын-гол (по: [Цэвэндорж и др., 2008, з. 8])

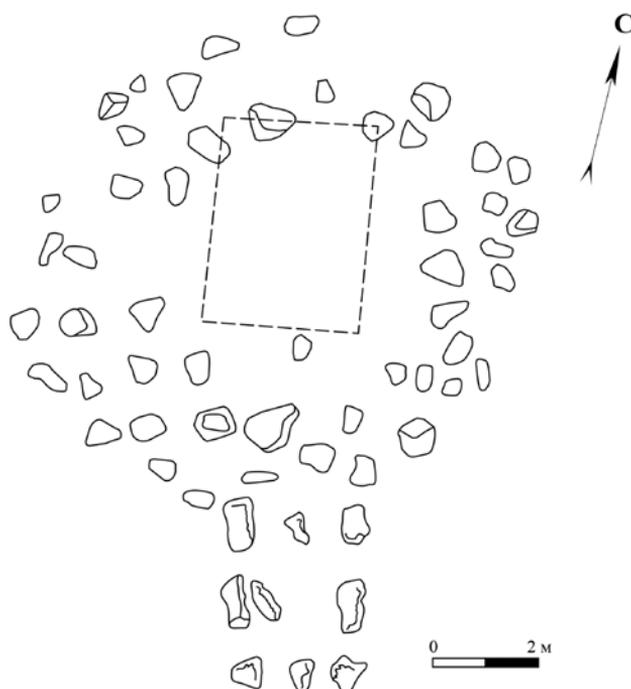


Рис. 7. Наземная конструкция тюркского кургана комплекса Увгунт
(по: [Наван, Сумьябаатар, 1987, з. 1])

Внутримогильные конструкции

Традиции обрядовой практики тюрков Монголии 2-й половины I тыс. н.э. предполагали сооружение в большинстве случаев простой могильной ямы с отвесными или несколько сужающимися стенками. Ее размеры были различными и определялись многими факторами: параметрами курганной насыпи, наличием или отсутствием сопроводительного захоронения лошади. Одним из вариантов оформления могильной ямы было оставление *приступки* (ступеньки вдоль одной из ее стенок). Такая конструкция зафиксирована в ходе исследования погребений на комплексах Бурхан-Толгой (курган №60), Джаргаланты (курган №2), Угемур (курган №2), Хана-1, Хар-Ямаатын-гол (курган №8) (рис. 6), Цаган-Хайрхан-Уул (курган №7), Элст Хутул (курган №5). Приступка, достигавшая в высоту 30 см, сооружалась чаще всего для помещения на нее человека. Необходимо отметить, что такая ситуация является крайне редкой для традиций тюрков, демонстрируемых археологическими комплексами на сопредельных территориях. Подобная ситуация единична в Туве и на Алтае [Трифонов, 1975, с. 193; Савинов, 1982, с. 103, 105; Могильников, 1983, с. 69, рис. 18], однако достаточно широко распространена среди памятников Минусинской котловины [Грязнов, Худяков, 1979, с. 150, 152–153; Тетерин, 2000, с. 31–33; Худяков, 2004, с. 27–28; и др.]. Кроме того, использование приступки для расположения на ней умершего человека встречается в погребальной обрядности населения Тянь-Шаня [Табалдиев, 1996, с. 21; Табалдиев, Худяков, 1999, с. 58]. Более традиционным для тюрков раннего Средневековья являлось сооружение земляной ступеньки для лошади, отмеченное в захоронениях Монголии дважды.

Другим вариантом оформления могильной ямы являлась *перегородка*. Тюрками 2-й половины I тыс. н.э. она сооружалась из каменных плит и предназначалась для отделения тела умершего человека от положенного рядом животного. В ходе раскопок погребений Монголии перегородка зафиксирована только дважды на комплексах Элст Хутул (курган №5) и Мухдагйин ам (курган №8) (рис. 8). Гораздо большее распространение такие конструкции получили в различных частях Алтае-Саянского региона. Данный вариант внутримогильного сооружения наиболее часто зафиксирован в ходе раскопок памятников раннего Средневековья Тувы и реже, почти в равной степени, встречен в погребениях Алтая и Минусинской котловины [Серегин, 2009, табл. 1].

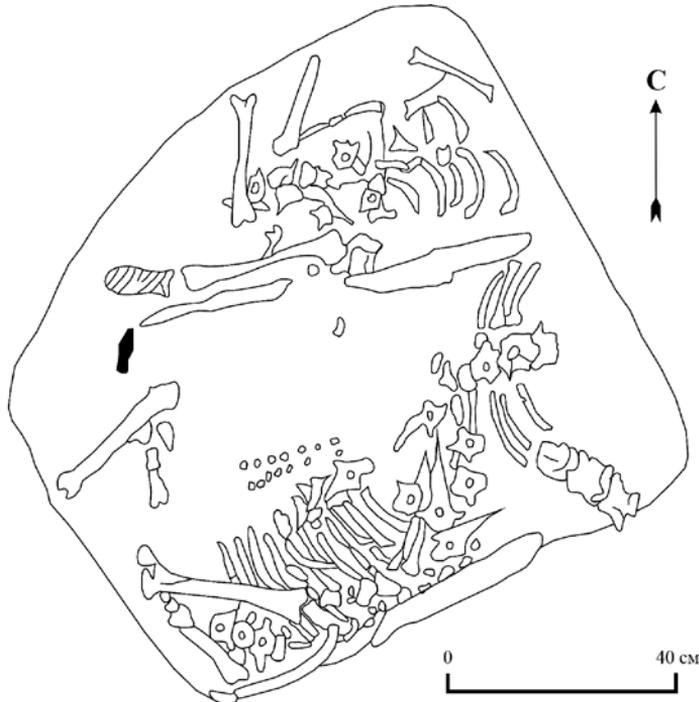


Рис. 8. План погребения кургана №8 комплекса Мухдагйин ам (по: [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 274])

Сооружение земляной ступеньки, а также каменной перегородки зафиксировано только в могилах с лошадью и, несомненно, было связано с оформлением сопроводительного захоронения животного. Вероятно, основной функцией таких конструкций являлось отделение тела умершего человека. По мнению С.П. Нестерова [1990, с. 75–77], в случае, если животное находилось рядом или на приступке, перегородка предохраняла погребенного от падения на него туши лошади. Этим же объяснялось помещение человека на земляной ступеньке.

Важно отметить, что сооружение приступки и перегородки можно считать одним из отличительных показателей погребальной обрядности тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Не случайно фиксация подобных вариантов оформления могильной ямы на сопредельных территориях обычно связывается с проникновением носителей этих культурных традиций.

Одним из элементов обряда, не характерных для традиций тюрок 2-й половины I тыс. н.э., являлось сооружение *погребальной камеры*. Специальные конструкции для захоронения человека зафиксированы только на одном некрополе раннесредневековых кочевников Монголии. Судя по приведенному описанию, в ходе раскопок двух курганов могильника Тарималт встречены остатки деревянных срубов с полом [Гунчинсурэн и др., 2005]. К сожалению, подробная характеристика этих сооружений невозможна в связи с отсутствием иллюстраций в публикации материалов исследований на памятнике. Похожее сооружение отмечено в могиле кургана №50 комплекса Боротал-I на Алтае [Кубарев, 2005, с. 378, табл. 107]. Кроме того, деревянные конструкции, более напоминающие по своему устройству гроб, известны на ряде некрополей тюрок Алтае-Саянского региона [Левашова, 1952, рис. 6.-3; Гаврилова, 1965, табл. XIII.-B; Вайнштейн, 1966, рис. 10, 11; Поселянин, Киргинцев, Тараканов, 1999, рис. 4.-4, 7.-2, 12.-2; и др.].

Погребения в подбое

Особым вариантом устройства могильной ямы в обрядовой практике тюрок 2-й половины I тыс. н.э. было сооружение в одной из ее стен погребальной камеры в виде ниши. В ходе раскопок раннесредневековых некрополей на территории Монголии зафиксировано всего два захоронения в подбое [Худяков, Цэвендорж, 1999, с. 84; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004, с. 177]. К сожалению, в публикациях этих комплексов приведено лишь общее описание данного элемента обряда, при этом его отражение в иллюстрациях отсутствует. Вместе с тем имеющаяся информация, а также результаты анализа раннесредневековых погребений в подбое, исследованных в различных районах Алтае-Саянского региона и Центральной Азии [Серегин, 2012], позволяют представить варианты интерпретации могил с боковой нишей.

В археологической литературе достаточно подробно рассмотрены различные конструкции подбоев, обозначены признаки, отличающие данные сооружения от катакомб, а также представлены некоторые аспекты семантики указанной традиции [Соенов, 1994, с. 50; Смирнов, 1997, с. 218; Миняев, 2001, с. 128; Флеров, 2007, с. 82–102; и др.], что позволяет не останавливаться на этом дополнительно. При изучении имеющихся исследований становится очевидным, что историко-культурная интерпретация подбоя различна для конкретных территорий и хронологических периодов. При возможном едином истоке традиции сооружения таких конструкций дальнейшее их распространение было обусловлено специфичными процессами для отдельных обществ.

Захоронения в подбое не являются характерными для традиций обрядовой практики тюрок раннего Средневековья, однако получили довольно широкое распространение. Наиболее многочисленны такие объекты в Туве и Минусинской котловине [Серегин, 2012, с. 136]. Известна серия «подбойных» захоронений тюрок на территории Кыргызстана [Москалев, Табалдиев, Митько, 1996, с. 62; Табалдиев, 1996, с. 25]. Только одна могила с боковой нишей зафиксирована на Алтае [Молодин, Новиков, Соловьев, 2003, с. 73, рис. 6].

Подбой обычно сооружался для помещения туда умершего человека. Именно такая ситуация зафиксирована в ходе исследования кургана №7 комплекса Цаган-Хайрхан-Уул в Северо-Западной Монголии [Худяков, Цэвендорж, 1999, с. 84]. В другом случае, отмеченном в процессе раскопок впускного погребения кургана №60 на некрополе Бархзан-Толгой, в боковой нише могильной ямы находилась лошадь [Эрдэнэбаатар,

Турбат, Худяков, 2004, с. 177]. Единственная известная аналогия такому варианту обряда в материалах исследований археологических памятников тюрок – погребение кургана №14 могильника Терен-Кель в Минусинской котловине [Худяков, 1999, с. 23].

Анализ обозначенных комплексов позволяет заключить, что совершение захоронения в подбое происходило в полном соответствии с общей концепцией обряда тюрок раннего Средневековья. Каких-либо отклонений в традициях погребального ритуала, а также характерном для кочевников данной общности составе сопроводительного инвентаря при исследовании могил с боковой нишей не зафиксировано. Важно отметить, что на территории Монголии, Алтая и Минусинской котловины захоронения в подбое раскопаны на могильниках в одной группе с «обычными» объектами [Молодин, Новиков, Соловьев, 2003; Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 108; Худяков, 2004, с. 28–32]. Все это позволяет утверждать, что погребения в боковой нише не являются инокультурными по отношению к другим памятникам рассматриваемой общности. Судя по всему, такие объекты принадлежали определенной группе населения в рамках археологической культуры раннесредневековых тюрок.

В связи со слабой степенью изученности системы мировоззренческих представлений кочевников символическое значение захоронений в боковой нише могильной ямы в традициях тюрок 2-й половины I тыс. н.э. остается дискуссионным. Исходя из общей логики погребального обряда кочевников подбой мог в более усложненной форме, чем перегородка или приступка, демонстрировать отделение умершего человека от находившейся рядом лошади. Другое объяснение может быть связано со стремлением создания «тайного» захоронения, позволявшего избежать осквернения могилы в случае ограбления.

Впускные и скальные захоронения

Помимо курганных объектов, представляющих собой наиболее распространенный тип памятников тюрок Монголии 2-й половины I тыс. н.э., зафиксированы также ***впускные погребения***. Основной характеристикой таких комплексов является отсутствие надмогильных сооружений. Два впускных захоронения исследованы на некрополе Бурхан-Толгой [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 107–108, 271; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004] (рис. 9). Оба погребения «впущены» в насыпи курганов №25 и 60 хуннского времени и совершены в заполнении могильной ямы на глубине 1,05 и 1,6 м от поверхности.

Анализ впускных захоронений тюрок Алтае-Саянского региона позволяет предложить несколько вариантов интерпретации таких объектов. Для погребений Монголии наиболее справедливым представляется объяснение, связанное с причинами социального порядка. Большую часть впускных захоронений тюрок раннего Средневековья, исследованных в Алтае-Саянском регионе, отличает скудность сопроводительного инвентаря. Исследованы и вполне «стандартные» в этом отношении объекты [Грязнов, 1940, с. 20; Могильников, Елин, 1983, с. 129–130; Тишкин, Горбунов, 2003], однако общая тенденция очевидна. Впускные захоронения, раскопанные на некрополе Бурхан-Толгой, также характеризуются ограниченным набором предметов. Судя по всему, характер погребения был связан с невысоким социальным статусом, которым обладали умершие люди при жизни. Вместе с тем не стоит исключать и того, что появление этих специфичных объектов связано с обстоятельствами смерти человека, его особым прижизненным положением или другими факторами, не получившими отражение в археологических материалах.

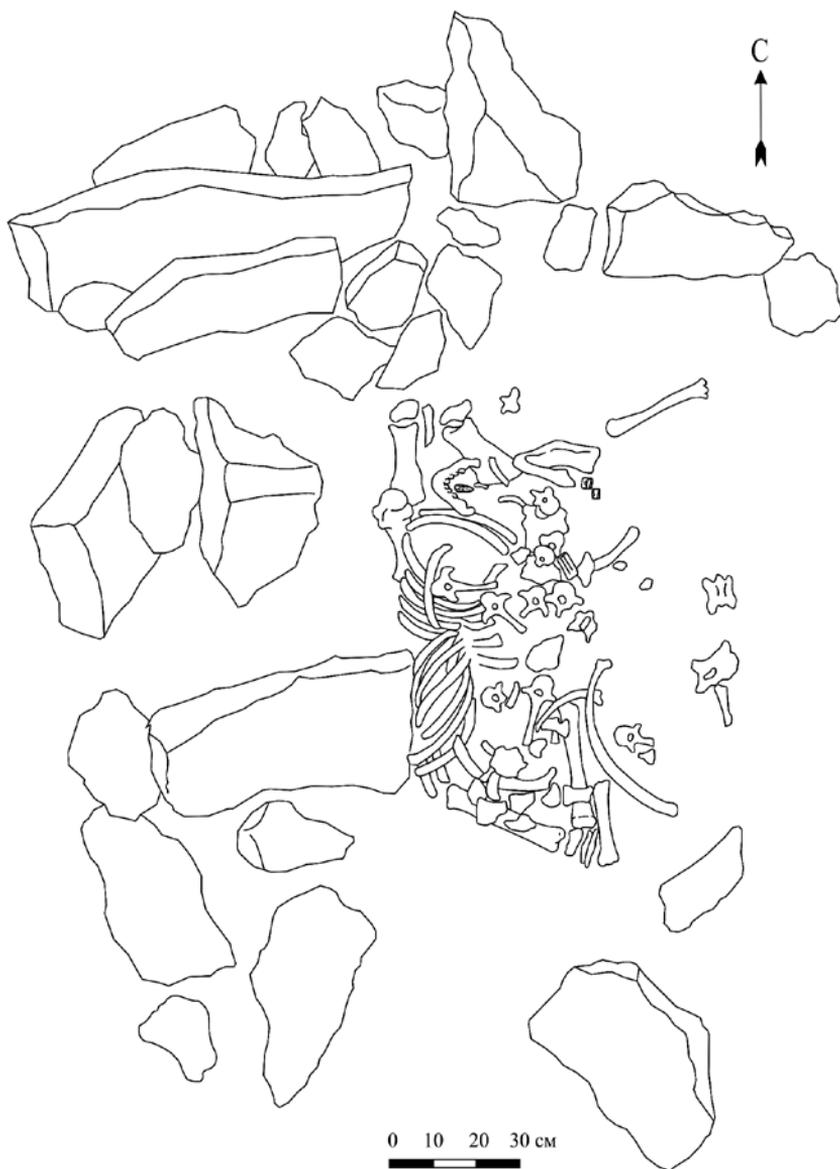


Рис. 9. Впускное погребение в кургане №60 комплекса Бурхан-Толгой
(по: [Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004, рис. 1])

Особой группой комплексов тюрок Монголии 2-й половины I тыс. н.э. являются *скальные захоронения*. К настоящему времени известна уже серия таких объектов, исследованных на памятниках Арцат Дэл [Хурэлсух, 2008, т. 297, з. 2, 3, 10], Жаргалант Хайрхан [Турбат и др., 2008; Törbat at all, 2009; Турбат, Батсүх, Батбаяр, 2010; и др.], Рашаантын Ам [Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004, т. 20–22, з. 2], Шивээт Цанхир-I [Хурэлсух, Мунхбаяр, т. 22–23, з. 1]. Общей характеристикой комплексов является случайный характер их обнаружения и то, что практически все они были в разной степени потревожены

к моменту их исследования археологами. Вместе с тем благодаря особым условиям совершения захоронения обозначенные объекты отличаются значительно лучшей степенью сохранности органических материалов, по сравнению с традиционными погребениями.

Детальная интерпретация раннесредневековых скальных захоронений Монголии требует проведения специального исследования. Однако даже предварительный анализ имеющихся материалов позволяет отметить дискуссионность их культурной атрибуции. Так, большая часть объектов относятся к последней четверти I тыс. н.э. – периоду, когда традиции тюрок уже находились в упадке, а население рассматриваемой общности испытывало значительное влияние иноэтничных групп кочевников. Кроме того, во всех комплексах отсутствует сопроводительное захоронение лошади, хотя зафиксировано конское снаряжение. Близкие аналогии скальным погребениям Монголии, в том числе по составу инвентаря, известны в различных районах Алтае-Саянского региона [Кызласов, 1986; Худяков, Кочеев, Моносов, 1996; и др.].

Заключение

Таким образом, погребальные сооружения тюрок Монголии периода раннего Средневековья достаточно типичны и не отличаются от подобных конструкций, исследованных на территории Алтае-Саянского региона. Особенностью рассматриваемых объектов является редкость обнаружения ряда показателей. В частности, в процентном соотношении реже зафиксированы дополнительные конструктивные элементы курганной насыпи (крепида, ограда), а также околочурганские объекты. Учитывая в целом аналогичный характер погребального ритуала и сопроводительного инвентаря, не анализируемых в настоящей публикации, подчеркнем, что имеются все основания рассматривать погребения тюрок Монголии и Алтае-Саянского региона в рамках одной общности кочевников раннего Средневековья и связывать с «восточными» тюрками, известными по письменным источникам. Немногочисленность памятников Монголии, учитывая количество объектов, исследованных на Алтае, в Туве и Минусинской котловине, можно объяснить лишь отсутствием опыта проведения целенаправленных и массовых раскопок погребений рассматриваемой общности, а также сравнительно низкой степенью изученности обозначенной территории в целом. Осуществление систематических археологических исследований в различных районах Монголии, своевременная публикация полученных материалов, а также введение в научный оборот результатов работ прошлых лет позволят наполнить фактическим материалом исторические построения, основанные преимущественно на сведениях письменных источников.

Библиографический список

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 75–82.

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М. ; Л. : Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.

Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Вып. I. С. 17–21.

Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. С. 146–159.

Гунчинсүрэн Б., Марколонго Б., Пужетта М., Базаргур Д., Болорбат Ц. Турэгийн уед холбогдох хоёр булшны тухай // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 104–112.

Евтохова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. №2. С. 207–217.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Золотой брактеев из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской торовитике // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. 1990. Вып. 16. С. 5–16.

Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск : Наука, 1992. С. 25–36.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В., Со Гилсу, Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Лхундев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 298–303.

Кызласов И.Л. Новый вид погребальных памятников Южной Сибири // Материал по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1986. С. 100–129.

Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА СССР. №24. М. : Наука, 1952. С. 121–136.

Миняев С.С. К проблеме генезиса средневековых подбойных погребений Южной Сибири // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск : НГУ, 2001. С. 123–128.

Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. I. С. 396–403.

Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1983 гг. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 52–89.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 127–153.

Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-VIII // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №2. С. 71–86.

Москалев М.Н., Табалдиев К.Ш., Митько О.А. Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. Бишкек : Кыргызский нац. гос. ун-т : Новосиб. гос. ун-т, 1996. 259 с.

Наван Д., Сумьябаатар Б. Овог монгол хэл бичийн чухаг дурсгал. Улаанбаатар : Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1987. 155 т.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 143 с.

Олзийбаяр С. Огооморийн уйгур булш // Туухийн судлал. 2007. Т. XXXVII. Т. 26–31.

Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 88–116.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1982. С. 102–122.

Серегин Н.Н. Погребальные сооружения тюркской культуры Саяно-Алтая (систематизация и анализ) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2009. №4/2 (64/2). С. 190–194.

Серегин Н.Н. Могилы с подбоем в погребальном обряде раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий: проблемы интерпретации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7. С. 134–142.

Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 206 с.

Серегин Н.Н. Изучение и интерпретация погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии (историографический аспект) // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9). С. 101–114.

Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул : Азбука, 2015. 168 с.

Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М. : Восточная литература, 1997. 279 с.

Соенов В.И. Археологический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск : Б.и., 1993. 95 с.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек : Айбек, 1996. 256 с.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 55–81.

Тетерин Ю.В. Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс-1 // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 2000. С. 27–54.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. №10. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. С. 107–117.

Трифонов Ю.И. Конструкции древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 185–193.

Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2003. 295 с.

Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 264–265.

Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т., Баярхуу Н., Идэрхангай Т. Монгол алтайгаас илэрсэн хадны оршуулгууд // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 274–292.

Флеров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. М. : ТАУС, 2007. 372 с.

Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. №3. С. 21–26.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 46–53.

Худяков Ю.С., Турбат Ц. Древнетюркское погребение на памятнике Элст Хутул в Северной Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 82–87.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в Северо-Западной Монголии // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 82–90.

Хурэлсүх С. Монгол нутах дахь агуйн эртний оршуулгын судалгааны байдал // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 293–310.

Хурэлсүх С., Мунхбаяр Л. Рашаантын Ам ба Цанхирын агуйн оршуулгууд // Acta Historica. 2004. Т. V. Т. 20–30.

Цэвэндорж Д., Кубарев В.Д., Лхундэв Г., Кубарев Г.В., Баярхуу Н. Хар Ямаатын Түрэгийн үеийн дурсгалуудын малтлагын үр дүн // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 262–273.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 112–130.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Древнетюркское впускное погребение на памятнике Эгин-Гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 175–181.

Эрдэнэбат У., Батсайхан З., Дашдорж Б., Амарбилэг Ч. Архангай аймгийн Хотонт сумын ну-таг Олон Дов хэмээх газар 2010 онд хийсэн археологийн шинжилгээ // Археологийн судлал. 2011. Т. XXX. Т. 146–185.

Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б. Овор хавцалын амны турэг булш // Нуудэлчдийн ов судлал. 2010. Т. X. Fasc. 9. Т. 125–132.

Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Acta archaeologica. 1967. T. XIX. P. 335–370.

Törbat Ts., Batsükh D., Bemmman J., Höllmann T.O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khaikhhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – a Preliminary Report // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 365–383.

N.N. Seregin

FUNERAL CONSTRUCTIONS OF TURKS IN MONGOLIA (2nd half of I thousand AD)

The article considers the results of systematization and the analysis of funeral constructions of early medieval Turks investigated in Mongolia. The author uses all known materials of the excavation which have been carried out by the Mongolian and foreign archaeologists since the second quarter of the 20 century up to the present. Emphasis is made on features of the land and intra sepulchral constructions recorded during studying of necropolises in the 2nd half of I thousand. The author discusses the problems of interpretation of inlet graves, and also burials in a grave niche. Difficulties of interpretation of the non-numerous rocky objects, on a number of indicators correlated to the culture of early medieval Turks are shown. The main approach used in the article is a comparative analysis of the funeral complexes in the territory of Mongolia with more numerous materials of research in Altai-Sayan region. Taking into account the revealed character of funeral constructions, and also the specifics of ritual and accompanying tools which are not presented in the article, there are all grounds to consider burials of early medieval Turks of Mongolia and the Altai-Sayan region within one community. It could be related to “east” Turkic peoples, known by written sources. Small number of such sites in Mongolia, considering the number of the objects investigated in the Altai Mountain, Tuva and Minusinsk Depression, can be explained with the lack of purposeful excavation of Turkic burials and low degree of study of the designated territory in general.

Key words: Mongolia, Turkic peoples, Early Middle ages, funeral constructions, Altai-Sayan region, comparative analysis.

References

Borodovskiy A.P. Issledovanie odnogo iz pogrebal'no-pominal'nykh kompleksov drevnetyurkskogo vremeni na Sredney Katuni [The study of one of the burial and memorial complexes of ancient Turkic time on the Middle Katun]. Arkheologiya Gornogo Altaya [Archaeology of the Altai Mountains]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1994. Pp. 75–82.

Borovka G.I. Arkheologicheskoe obsledovanie srednego techeniya r. Toly [Archaeological research of the middle flow of the Tola river]. Severnaya Mongoliya. Predvaritelnye otchety lingvisticheskoy i arkheologicheskoy ekspeditsiy o rabotakh, proizvedennykh v 1925 godu [Northern Mongolia. Preliminary reports of the linguistic and archaeological expeditions of the work done in 1925]. Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1927. Pp. 43–88.

Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D., Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report). Acta archaeologica, vol. XIX, 1967. Pp. 335–370.

Erdenebaatar D., Turbat Ts., Khudyakov Yu.S. Drevnetyurkskoe vpusknoe pogrebenie na pamyatnike Egin-Gol v Severnoy Mongolii [Ancient Turkic burial monument on the Egin Gol monument in northern Mongolia]. Tsentralnaya Aziya i Pribaykale v drevnosti [Central Asia and the Baikal region in ancient times], 2. Ulan-Ude : Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2004. Pp. 175–181.

Erdenebat U., Batsaykhan Z., Dashdorzh B., Amarbileg Ch. Arkhangay ayngiin Khotont sumyn nutag Олон Дов khemeekh газар 2010 онд khiysen arkheologiyin shinzhilgee. Arkheologiyin sudlal, vol. XXX, 2011. Pp. 146–185.

Erdenebold L., Odbaatar Ts., Ankhbayar B. Ovor khavtsalyn amny tureg bulsh. Nuudelchdiyn ov sudlal, vol. X. Fasc. 9, 2010. Pp. 125–132.

Evtyukhov L.A. O plemenakh Tsentralnoy Mongolii v IX v. [On the Central Mongolian tribes in the IX century]. *Sovetskaya arkhaeologiya* [Soviet archaeology], 2. 1957. Pp. 207–217.

Flerov V.S. Postpogrebal'nye obryady Tsentralnogo Predkavkaz'ya v I v. do n.e. – IV v. n.e. i Vostochnoy Evropy v IV v. do n.e. – XIV v. n.e. [Post burial rites in the central Caucasus in I BC. – IV BC and Eastern Europe in the IV BC – XIV century. BC]. Moscow : TAUS, 2007. 372 p.

Gavrilova A.A. Mogilnik Kudyrgе kak istochnik po istorii altayskikh plemen [Burial Kudyrgе as a source on the history of Altai tribes]. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1965. 146 p.

Gryaznov M.P. Raskopki na Altae [The excavations in Altai]. *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Collection of the State Hermitage], 1. Leningrad, 1940. Pp. 17–21.

Gryaznov M.P., Khudyakov Yu.S. Kyrgyzskoe vremya [Kyrgyz time]. *Kompleks arkhеologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee* [The complex of archaeological monuments at Mount Teps on the Yenisei]. Novosibirsk : Nauka, 1979. Pp. 146–159.

Gunchinsuren B., Markolongo B., Puzhetta M., Bazargur D., Bolorbat Ts. Turegiyn ued kholbogdokh khoer bulshny tukhay. *Arkheologiyin sudlal*, vol. XXIII. 2005. Pp. 104–112.

Khudyakov Yu.S. Drevnetyurkskoe pogrebenie na mogilnike Teren-Kel [Turkic burial in the cemetery Teren-Kul]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 3, 1999. Pp. 21–26.

Khudyakov Yu.S. Drevnie tyurki na Enisee [Ancient Turks on the Yenisei]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhеologii i etnografii SO RAN, 2004. 152 p.

Khudyakov Yu.S., Kocheev V.A., Monosov V.M. Baltarganskіe nakhodki [Baltargan findings]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 3, 1996. Pp. 46–53.

Khudyakov Yu.S., Tsevendorz D. Drevnetyurkskoe pogrebenie iz mogil'nika Tsagan-Khayrkhan-Uul v severo-zapadnoy Mongolii [Ancient Turkic burial of Tsagaan-Uul Khairkhan, in the north-western Mongolia]. *Pamyatniki kul'tury drevnikh tyurok v Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii* [Cultural monuments of the ancient Turks in Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : NGU, 1999. Pp. 82–90.

Khudyakov Yu.S., Turbat Ts. Drevnetyurkskoe pogrebenie na pamyatnike Elst Khutul v Severnoy Mongolii [Ancient Turkic burial monument at Elst Hutul in northern Mongolia]. *Evraziya: kulturnoe nasledie drevnikh tsivilizatsiy* [Eurasia: the cultural heritage of ancient civilizations], 2. Novosibirsk : NGU, 1999. Pp. 82–87.

Khurelsukh S. Mongol nutakh dakh' aguyrn erniy orshuulgyn sudalgaany baydal. *Arkheologiyin sudlal*, vol. XXVI, 2008. Pp. 293–310.

Khurelsukh S., Munkhbayar L. Rashaantyn Am ba Tsankhiryn aguyrn orshuulguud. *Acta Historica*, vol. V, 2004. Pp. 20–30.

Klyashtornyy S.G., Savinov D.G., Shkoda V.G. Zolotoy brakteat iz Mongolii. Vizantiyskiy motiv v tsentralnoaziatskoy torevitke [Gold bracteates from Mongolia. Byzantine motif in the Central Asian toreutics]. *Mezhdunarodnaya assotsiatsiya po izucheniyu kul'tur Tsentralnoy Azii. Informatsionnyy byulleten* [International Association for the Study of Central Asian cultures. News bulletin], 16. 1990. Pp. 5–16.

Kubarev G.V. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov) [The culture of the ancient Turks of Altai (based on funerary monuments)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhеologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 p.

Kubarev G.V., So Gilsu, Kubarev V.D., Tseveendorzh D., Lkhundev G., Bayarkhuu N., Kim Khyy Chkhan, Kann Som, Chzhon Von Chkhol. Issledovanie drevnetyurkskikh pamyatnikov v doline reki Khar-Yamaatyn-Gol (Mongolskiy Altay) [The study of ancient Turkic monuments in the valley of Har Yamahatyn Gol (Mongolian Altai)]. *Problemy arkhеologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology, Siberia and adjacent territories], vol. XIII. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhеologii i etnografii SO RAN, 2007. Pp. 298–303.

Kubarev V.D. Palash s sogdiyskoy nadpisyu iz drevnetyurkskogo pogrebeniya na Altae [Broadsword with Sogdian inscription from ancient Turkic burial in Altai]. *Severnaya Aziya i sosednie territorii v srednie veka* [North Asia and neighboring territories in the Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1992. Pp. 25–36.

Kyzlasov I.L. Novyy vid pogrebal'nykh pamyatnikov Yuzhnoy Sibiri [A new type of funerary monuments of Southern Siberia]. *Material po arkhеologii Gornogo Altaya* [The material on archeology of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk : GANIIYAL, 1986. Pp. 100–129.

Levashova V.P. Dva mogil'nika kyrgyz-khakasov [Two burials of the Kyrgyz-Khakas]. *MIA SSSR*, 24. Moscow : Nauka, 1952. Pp. 121–136.

Minyaev S.S. K probleme genezisa srednevekovykh podboynykh pogrebeniy Yuzhnoy Sibiri [On the problem of the genesis of medieval burials of Southern Siberia]. *Voprosy voennogo dela i demografii Sibiri v epokhu srednevekova* [Questions of warfare and demography of Siberia in the Middle Ages]. Novosibirsk : NGU, 2001. Pp. 123–128.

Mitko O.A., Teterin Yu.V. O kul'turno-differentsiruyushchikh priznakakh drevnetyurkskikh pogrebeniy na Srednem Enisee [About cultural differentiating features of ancient Turkic burials in the Middle Yenisei in Siberia]. *Sibir v panorame tysyacheletiy* [Siberia in the panorama of the millennium], vol. I. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 1998. Pp. 396–403.

Mogil'nikov V.A. Kurgany Kara-Koba-II [Mounds of Kara-Koba-II]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Gornom Altae v 1980–1983 gg* [Archaeological research in the Altai Mountains in the 1980–1983]. Gorno-Altaysk : GANIIIYAL, 1983. Pp. 52–89.

Mogil'nikov V.A., Elin V.N. Kurgany Taldura [Taldura Mounds]. *Arheologicheskie issledovaniya v Gornom Altae v 1980–1982 gg*. [Archaeological research in the Altai Mountains in the 1980–1982]. Gorno-Altaysk : GANIIIYAL, 1983. Pp. 127–153.

Molodin V.I., Novikov A.V., Solovov A.I. Pogrebalnye komplekсы drevnetyurkskogo vremeni mogil'nika Kaldzhin-VIII [Funerary complex of ancient Turkic burial Kaldzhin time-VIII]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2. 2003. Pp. 71–86.

Moskalev M.N., Tabaldiev K.Sh., Mitko O.A. Kul'tura srednevekovogo naseleniya vnutrennego Tyan'-Shanya i sravnitel'nyy analiz s sopredelnymi regionami Tsentralnoy Azii [The culture of the medieval population of internal Tien-Shan and the comparative analysis with the neighboring regions of Central Asia]. *Bishkek : Kyrgyzskiy nats. gos. un-t : Novosib. gos. un-t*, 1996. 259 p.

Navan D., Sumyabaatar B. Ovog mongol khel bichiyn chukhag dursgal. Ulaanbaatar : Shinzhlekh Ukhaany Akademiyn khevllel, 1987. 155 p.

Nesterov S.P. Kon' v kul'takh tyurkoyazychnykh plemen Tsentralnoy Azii v epokhu srednevekova [The horse in the cults of the Turkic-speaking Central Asian tribes in the Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1990. 143 p.

Olziybayar S. Ogoomoriyn uygur bulsh. Tuukhiyn sudlal, vol. XXXVII, 2007. Pp. 26–31.

Poselyanin A.I., Kirginekov E.N., Tarakanov V.V. Issledovanie srednevekovogo mogil'nika Bely Yar-II [The study of medieval burial Bely Yar-II]. *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnykh tsivilizatsiy* [Eurasia: the cultural heritage of ancient civilizations], 2. Novosibirsk : NGU, 1999. Pp. 88–116.

Savinov D.G. Drevnetyurkskie kurgany Uzuntala (k voprosu o vydelenii kurayskoy kul'tury) [Ancient burial mounds of Uzuntala (the question of the allocation of the Kurai culture)]. *Arkheologiya Severnoy Azii* [Archaeology of North Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1982. Pp. 102–122.

Seregin N.N. Izuchenie i interpretatsiya pogrebal'nykh kompleksov rannesrednevekovykh tyurok Mongolii (istoriograficheskiy aspekt) [The study and interpretation of early medieval burial complexes of the Turks in Mongolia (historiographical aspect)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 1 (9), 2014. Pp. 101–114.

Seregin N.N. Pogrebal'nye sooruzheniya tyurkskoy kul'tury Sayano-Altaya (sistematzatsiya i analiz) [Funeral constructions of Turkic culture of Sayano-Altay (systematization and analysis)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, politologiya* [News of Altay State University: History, Political Science], 2 (64/2), 2009. Pp. 190–194.

Seregin N.N. Sotsialnaya organizatsiya rannesrednevekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona i Tsentral'noy Azii (po materialam pogrebal'nykh kompleksov) [The social organization of early medieval Turkic tribes of the Altay-Sayan region and Central Asia (based on funerary complexes)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013. 206 p.

Seregin N.N., Shelepova E.V. Tyurkskie ritual'nye komplekсы Altaya (2-ya polovina I tys. n.e.): sistematzatsiya, analiz, interpretatsiya [Altai Turkic ritual complexes (2nd half of I millennium BC.): Systematization, analysis, interpretation]. Barnaul: Azbuka, 2015. 168 p.

Shulga P.I., Gorbunov V.V. Fragment dospekha iz tyurkskogo kenotafa v doline r. Sentelek [Detail of the armor of the Turkic cenotaph in the Sentelek river]. *Materialy po voennoy arkheologii Altaya i sopredelnykh territoriy* [Materials on military archaeology of Altai and adjacent territories]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. Pp. 112–130.

Smirnov Yu.A. Labirint: Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya. Issledovanie, teksty, slovar' [Labyrinth: the morphology of intentional burial. Study texts, Dictionary]. Moscow : Vostochnaya literatura, 1997. 279 p.

Soenov V.I. Arkheologicheskiy slovar' Gornogo Altaya [Archaeological Dictionary of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk : B.i., 1993. 95 p.

Tabaldiev K.Sh. Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tyan'-Shanya [Mounds of the medieval nomadic tribes of the Tien Shan]. Bishkek : Aybek, 1996. 256 p.

Tabaldiev K.Sh., Khudyakov Yu.S. Drevnetyurkskiy pamyatnik Besh-Tash-Koroo [Old Turkic monument of Besh-Tash-Koro]. Pamyatniki kul'tury drevnikh tyurok v Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii [Cultural monuments of the ancient Turks in Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : NGU, 1999. Pp. 55–81.

Teterin Yu.V. Drevnetyurkskie pogrebeniya mogil'nika Markelov Mys-I [Ancient burial cemetery Markelov Cape-I]. Pamyatniki drevnetyurkskoy kul'tury v Sayano-Altai i Tsentralnoy Azii [Monuments of Ancient Culture at the Sayano-Altai and Central Asia]. Novosibirsk : NGU, 2000. Pp. 27–54.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Rannetyurkskoe pogrebenie na mogil'nike Yakonur (po materialam raskopok M.P. Gryaznova) [Early Turkic burial in the cemetery Yakonur (based on excavation Hraznova MP)]. Drevnosti Altaya [Antiquities of the Altai], 10. Gorno-Altaysk : GAGU, 2003. Pp. 107–117.

Törbat Ts., Batsükh D., Bemann J., Höllmann T.O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – a Preliminary Report. Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. Pp. 365–383.

Trifonov Yu.I. Konstruktsii drevnetyurkskikh kurganov Tsentralnoy Tuvy [Construction mounds of ancient Turks of Central Tuva]. Pervobytnaya arkheologiya Sibiri [Prehistoric archaeology of Siberia]. Leningrad : Nauka, 1975. Pp. 185–193.

Tsevendorzh D., Kubarev V.D., Lkhundev G., Kubarev G.V., Bayarkhuu N. Khar Yamaatyn Tyregiyn yeiyn dursgaluudyn maltlagyn yr dyn. Arkheologiyn sudlal, vol. XXVI, 2008. Pp. 262–273.

Turbat Ts., Amartuvshin Ch., Erdenebat U. Egiyn golyn sav nutgiyn arkheologiyn dursgaluud. Ulaanbaatar : Soembo printing, 2003. 295 p.

Turbat Ts., Batsukh D., Batbayar T. Skalnoe zakhoronenie s muzykalnym instrumentom v Mongolskom Altai (predvaritelnye otsenki) [Rock burial with a musical instrument in Mongolian Altai (preliminary estimates)]. Drevnie kultury Mongolii i Baykalskoy Sibiri [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Ulan-Ude : Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2010. Pp. 264–265.

Turbat Ts., Batsukh D., Batbayar T., Bayarkhuu N., Iderkhangay T. Mongol altaygaas ilersen khadny orshuulguud. Arkheologiyn sudlal, vol. XXVI, 2008. Pp. 274–292.

Vaynshteyn S.I. Pamyatniki vtoroy poloviny I tysyacheletiya v Zapadnoy Tuve [Monuments of the second half of the I millennium in Western Tuva]. Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Proceedings of the complex archaeological and ethnographic expedition], vol. II. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1966. Pp. 292–334.